

Николай ЕРЕМЕНКО: «Без возрождения культуры перестройка неосуществима»

Беседа с председателем Союза театральных деятелей республики, народным артистом СССР Н. Н. ЕРЕМЕНКО

— Николай Николаевич, позвольте без всяких вступлений задать вам прямой вопрос: что происходит с нашим театром? Ведь мы хорошо помним, какой огромный общественный интерес вызывало театральное искусство в так называемые застойные времена. Да и в первые годы перестройки было поставлено немало ярких, остроактуальных, будоражащих душу и сердце спектаклей. Почему же сегодня, в пору гласности и демократии, театр молчит?

— Да, как это ни обидно и горько для меня, человека, почти всю свою жизнь посвятившего искусству Мельпомены, вынужден признать справедливость вашего вопроса. С театром действительно происходит нечто странное и тревожное. Казалось бы, вот она, долгожданная и желанная свобода, — твори, выдумывай, пробуй! Театру предоставлена практически полная самостоятельность — в выборе репертуара, в формировании труппы, в решении финансовых вопросов, художественных открытий, да что там — хотя бы крупных, неординарных работ, которые, как вы говорите, будоражили бы человеческие сердца, нет. Отсюда и падение интереса к театру, устойчивая тенденция к снижению его посещаемости.

Справедливости ради отмечу, что такое положение сложилось не только у нас в республике, но и в целом по стране, даже в таких театральных городах, как Москва и Ленинград. Недавно я получил письмо от известного нашего актера, председателя Союза театральных деятелей РСФСР М. А. Ульянова. В нем та же боль,

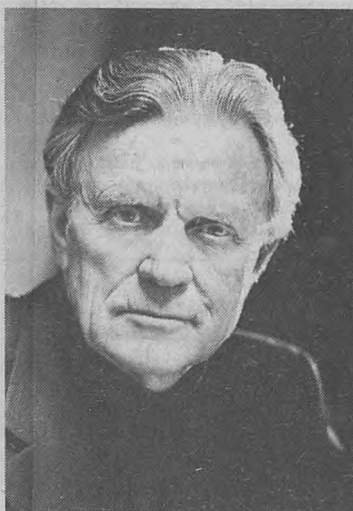
которая не дает покоя и мне. «...Театр сегодня существует очень трудно, — пишет Михаил Александрович. — Мы бесконечно рады установлению новых театральных отношений, снятию цензуры. Однако возможность сказать миру все, что мы о нем думаем, обернулась молчанием...»

— В чем же все-таки причина такого тревожного положения?

— Наверное, здесь есть причины общего порядка. Театр ведь живет не в вакууме. Он тысячами нитей связан с общественно-политической жизнью, это совершенно естественно, и все процессы — сложные, противоречивые, драматичные, которые кипят сегодня в нашем обществе, конечно же, не могут обойти стороной и театр. У него те же проблемы...

Но есть у нас и свои, сугубо профессиональные проблемы. Вот говорят: театр молчит потому, что молчит драматург. Да, с этим суждением трудно не согласиться. Действительно, современных, остроактуальных пьес у нас практически нет. Период осмысления уроков истории слишком уж затянулся. Конечно, осмысление необходимо, полезно, но жизнь ведь не стоит на месте, она требует движения вперед. С чем мы тогда пойдем — с правдой о прошлом, но без веры в будущее?

Впрочем, молчат не только драматурги-современники, но и классики. С их вечными, я бы даже сказал, с вечно злободневными проблемами — о любви и коварстве, о верности и предательстве, о добре и зле, о жизни и смерти... После «Макбета» В. Шекспира, постав-

ленного Б. Луценко в 1974 году, ни одна постановка классики не стала бесспорным, значительным событием в театральной жизни республики.

— Значит...

— ...значит, дело уже не только в драматургии. Несколько лет назад мне выпало счастье в одной из зарубежных поездок быть рядом с Г. А. Товстоноговым. Мы много говорили о театре, и когда я спросил у него, чем же можно объяснить наши нынешние беды, он, не задумываясь, ответил: «Кризисом режиссуры».

Повторяю: это было сказано несколько лет назад. Сегодня, на мой взгляд, этот кризис стал еще глубже. Во многих наших театрах царит настоящая режиссерская чехарда. Дело дошло до того, что некоторые театральные коллективы вообще оказались без главных режиссеров. Разве это нормально? Поэтому закономерен и результат. Из более чем пятидесяти

премьер минувшего года лишь два-три спектакля можно считать удачными, еще четыре-пять — сработанными на среднем непрофессиональном уровне. Об остальных не хочется даже говорить...

Кризис режиссуры — это отсутствие свежих театральных идей, низкая культура, профессиональная беспомощность. А если еще иметь в виду ее бесконтрольное всевластие, то нетрудно себе представить, к чему это приводит на практике. «Театр — это я!» — думают многие режиссеры, не желая понимать, что принцип коллективности лежит в природе театра, определяет его жизнеспособность, его будущее.

— Николай Николаевич, а не драматизируем ли мы ситуацию, не сгущаем ли, как говорится, краски?

— Драматизировать не приходится, ибо положение в сегодняшнем театре и без того предельно драматично. Я назвал вам две наши проблемы. Есть и третья — не менее острая, не менее большая... Отсутствие настоящей драматургии, кризисное состояние режиссуры не могло не сказаться самым пагубным образом на судьбе актеров. Присмотритесь внимательно ко многим театральным труппам — сколько талантливых актеров годами сидят без работы, лишенные возможности раскрыть свой творческий потенциал. И это в государственных театрах, на которые, надо полагать, в полной мере распространяется основополагающее положение Советской Конституции — право на труд.

Может быть, это не слишком патристично, но я в подтверждение своей мысли сошлюсь на факты из своего родного,

купаловского театра. На сегодняшний день здесь нет единого творческого коллектива. Добрая половина артистов — честных, искренних, талантливых, но не желающих ломать себя — остается не у дел. Как, например, Валентин Белохвостик, Матвей Федоровский, Владимир Роговцов... А ведь это все — заслуженные артисты республики!

Впрочем, занятость сама по себе еще ни о чем не говорит. Куда более важно — соответствует ли порученная роль интересам и возможностям артиста, способствует ли она его творческому росту. С этой точки зрения считаю, что в нашем театре далеко не по-хозяйски распоряжаются потенциалом талантливых актеров. В длительном простое, например, вынужден был находиться Геннадий Гарбук, и вот только недавно он получил роль в спектакле «Вежа».

Скажите, разве можно так обходиться с талантами? Разве это по-государственному? Поверьте, во мне говорит не какая-то личная обида. Это — боль за собратьев по профессии, чьей судьбой я озабочен и как человек, и как руководитель творческого союза.

— Вы упоминали о личной обиде... Но вам-то, известному, популярному в стране артисту, обижаться, поди, не на что. Помимо театра, вы постоянно заняты в кино...

— В кино — да, спасибо, не забывают, понемногу снимаюсь. А вот в театре... Я практически вне репертуара! Осталась одна единственная роль в спектакле «Мудромер» и то мы ее играем по очереди с Миловановым. Таково же положение в нашем театре и Галины Орловой. Говорю об этом не пото-

му, что она моя жена, а потому, что нельзя же талантливого актрису держать на голодном пайке. За пять лет — ни одной новой роли! Кроме как издевательством подобное не назовешь...

— А что же Союз театральных деятелей? Ведь вы-то как организация и создавались прежде всего для защиты интересов актера...

— Весь парадокс нынешней ситуации заключается в том, что та демократизация художественной жизни, за которую мы так страстно боролись, обернулась для нас форменной демократурой, а проще говоря — диктатом режиссера, а свобода творчества — свободой бессовестности. По этой причине во многих театрах оказались разрушенными элементарные этические принципы. Эстетика же без этики — вещь невозможная, то есть она, конечно, возможна, но тогда руководствуются не художественными критериями, а групповыми, клановыми интересами, и такая эстетика становится уже общественно опасной.

Я вот с грустью ловлю себя иной раз на мысли: с какой смелостью, страстностью, размахистостью судим мы о партии, об обществе, о человеке! Мы непримиримы даже к малейшим недостаткам. Но когда речь заходит о собственных недостатках, о своей личной работе, где столько брака, недобросовестности — тут ни принципиальности, ни требовательности. Куда все девается!

Характерный штрих. Какое-то время назад в журнале «Мастацтва Беларусі» в двух номерах была напечатана статья ве-

[Окончание на 2-й стр.]